КОНФЕРЕНЦИИ

© 1994 г., ЭО, № 6

ЭТНОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА

Этой теме был посвящен международный симпозиум, состоявшийся 22—24 февраля 1994 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге (далее — МАЭ). Симпозиум явился первым этапом реализации совместного исследовательского проекта российских ученых и их зарубежных коллег «Производственные традиции и трудовые навыки в народной культуре Северо-Запада России и стран Балтийского региона». Основы концепции названного проекта, выдвинутые Петербургскими учеными еще в 1990—1991 гг., получили поддержку научных центров и отдельных ученых из Швеции, Финляндии, Германии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии не в последнюю очередь и потому, что в качестве сопоставительно-типологической, комплексной эта проблема до сих пор в нашей этнографической науке не ставилась. Поэтому объединение усилий специалистов по этнографии балтийского ареала, возможность произвести обмен мнениями по сходным, но ранее изучавшимся лишь в страноведческом аспекте темам представлялось весьма перспективным в теоретическом и важным в прикладном отношениях. И не случайно, что в числе более чем 20 участников февральского симпозиума наряду с российскими учеными оказались этнографы из Швеции, Латвии, Белоруссии, причем наиболее многочисленной группой зарубежных участников стали литовские ученые — 6 человек. И теперь, когда симпозиум успешно завершен, можно подвести некоторые итоги того, что сделано, и поразмышлять над тем, что следовало бы сделать в дальнейшем.

Работа симпозиума открылась докладом директора МАЭ д-ра истор. наук, проф. А. С. Мыльникова «Балтийская этнография: культурный регионализм в типологическом контексте». Отметив, что в последние полтора-два десятилетия не только этнографы, но и представители других областей знания (в частности, политологи) все большее внимание обращают на необходимость изучения внутригосударственного культурного регионализма («восстание провинций», по терминологии немецкого политолога Дирка Гердеса), докладчик выделил и иную тенденцию. Суть ее заключена в поисках путей фактического и организационного укрепления разных форм сотрудничества стран, связанных не столько этногенетическими, сколько экономическими и геополитическими факторами. Эта разновидность «нового регионализма» развивается на межгосударственном и надгосударственном уровнях. В качестве примера докладчик сослался на конференцию Консультативного комитета Финляндии по экономическому развитию, состоявшуюся в 1988 г. Представляя изданный в 1990 г. итоговый доклад, директор этого комитета К. Сиппонен писал: «Одним из будущих больших регионов нашего континента является объединяющаяся вокруг Балтийского моря Северная Европа» [1]. События последних лет подтвердили такой диагноз, причем включенность в регион Санкт-Петербурга и Северо-Западного района Российской Федерации открывает новые и достаточно перспективные возможности сотрудничества в этой части Европейского континента. И важно, что надгосударственный, надэтнический регионализм противостоит идеям автаркичности, подозрительности по отношению к соседям, национализму и шовинизму.

Малоизученной в этнографии теме формирования в музеях фонда вещевых памятников, характеризующих крестьянский быт, был посвящен доклад канд. истор. наук И. И. Шангиной (Санкт-Петербург) «Из истории изучения русского крестьянского двора: середина XIX — первая треть XX в». Основное место в докладе было уделено истории формирования коллекции, полученной Российским этнографическим музеем в 1948 г. из Музея народов СССР в Москве. Эта коллекция, истоки которой восходят к 1867 г., складывалась из материалов Этнографической выставки 1867 г., Русской антропологической выставки 1879 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. В формировании анализируемой коллекции принимали участие А. П. Богданов, Е. В. Барсов, Н. А. Иваницкий, Н. Н. Харузин и другие известные ученые. Значительный интерес представляют и в наше время методы собирания и принципы отбора экспонатов, которые применялись в то время. В докладе подчеркивалось, что методические подходы менялись в связи с изменениями представлений о предметной области этнографии и функциях этнографических музеев. В докладе «Крестьянский двор в русской литературе: этнография и философия истории», с которым выступил д-р филол. наук, проф. В. Н. Шапошников (Шуя), подчеркивалась плодотворность привлечения в качестве дополнительного источника произведений художественной литературы. В отличие от традиционной для литературоведения методологии, здесь необходимы иные приемы, способствующие, по выражению докладчика, повышению информационной отдачи различных ракурсов отображения крестьянского двора средствами художественной литературы.

В докладах канд. истор. наук Н. В. Шлыгиной (Москва) «Эстонский крестьянский двор и его обитатели в конце XIX в.», канд. истор. наук Н. В. Ушакова (СПб.) «Структурная типология жилища в форме указателя типов как методика сравнительно-типологического изучения жилища полиэтнической Восточной Европы», д-ра истор. наук В. С. Титова (Минск) «Характер расселения и типы

поселений в Белоруссии», акад. АН Латвии С. Ц и м е р м а н и с а (Рига) «Латышское традиционное жилище на пороге между Восточной и Средней Европой», д-ра В. Э й н а (Упсала) «Хозяйственные постройки крестьянского двора в Швеции» и канд. истор. наук И. А. О с н и ц к о й (СПб.) «Жилище лифляндца XVIII в.» содержался обширный фактический материал, в совокупности позволяющий проследить черты общего и особенного на достаточно репрезентативном материале. Так, Н. В. Ушаков обосновывал возможности регионального подхода для сравнительного и типологического изучения жилища различных народов Восточной Европы. Черты сходства, которые при этом обнаруживаются, были обусловлены общностью многих конструктивных элементов жилища этого крупного региона, что не позволяет ограничиваться только этническим критерием. Докладчик выдвинул и обосновал методику структурно-типологического анализа жилища, подчеркнув, что она, в форме указателя типов жилища, разработана по материалам о различных этнических группах населения окрестностей Петербурга (русские, водь, ижора, финны), собранными во время экспедиций 1980—1985 гг.

Ряд общеметодологических вопросов на основе конкретных архивных и полевых материалов был затронут и другими докладчиками, обращавшимися к теме жилища. Например, С. Цимерманис показал постепенное изменение конструкции и функций элементов жилища латышских крестьян в восточной и западной частях Латвии — близость к русскому крестьянскому жилищу в первом случае, близость к центральноевропейскому — во втором. О региональных типах жилища белорусских крестьян, иллюстрируя это изобразительным и графическим материалом, говорил В. С. Титов. По-видимому, дальнейшее сопоставительное рассмотрение крестьянского двора в контактных зонах заслуживает серьезного внимания, поскольку это открывает путь к более широким обобщениям. Так, В. Эйн отмечал существенные отличия шведского крестьянского двора от финского, в свою очередь обнаруживающего немалые черы сходства с крестьянскими постройками российского Северо-Запада. Отсутствие в традиционном шведском крестьянском дворе особого сооружения для бани влекло за собой и отсутствие связанных с ней обрядов.

Мельницам и кузницам Литвы посвятили свои доклады д-р В. М и л ю с, д-р Э. М о р к у н а с и д-р А. С т р а в и н с к а с (все из Вильнюса). В. Милюс детально проанализировал технологию сооружения водяных мельниц в Западной Литве, строительные материалы, связь мельниц с социальным статусом их владельцев. В докладе заведующего отделом Музея народного быта Литвы в Румшишкес Э. Моркунаса «Расположение ветряных мельниц в усадьбах» показаны различные пути формирования усадеб мельников, состав их строений и размеры. По мнению докладчика, мельница на территории крестьянского двора отразила запас знаний и экономические возможности владельца, а также степень мастерства строителей. Опираясь на архивные данные XIX — первой половины XX вв. и на собранные им полевые материалы, Э. Моркунас сделал вывод, что мельница является важной частью усадьбы литовского крестьянина. В докладе А. Стравинскаса «Кузницы Литвы» указывалось, что к началу нынешнего столетия свою кузницу практически имела почти каждая деревня. Докладчик выделил три типа литовских кузниц — по виду строительного материала (каменные, бревенчатые или дощатые, глиняные), по дислокации (городские, дворовые, деревенские), по характеру и целям производства (работа на массовый рынок или для местных потребностей). Пройдя несколько этапов развития, литовские кузницы в конце концов превратились в часть механических мастерских.

Рассмотрение материальных форм народной культуры было тесно сопряжено с их местом и ролью в духовной жизни общества. В докладе канд. истор. наук И. А. О с н и ц к о й (СПб.) «Жилище лифляндца XVIII в.» отмечалось, что с конца XVII в. и на протяжении следующего столетия в Лифляндии, особенно в Риге и ее предместьях, производились значительные строительные работы — старые каменные дома модернизировались, происходила перепланировка интерьеров, изменение фасадов. Письменные и иллюстративные источники того времени из научных библиотек Риги и Санкт-Петербурга сохранили облик города XVIII в., внешнего и внутреннего вида построек.

Блестящим образцом сочетания анализа материальных и духовных форм народной культуры явился доклад д-ра Л. П и ш к и н а й т е-К а з л а у с к е н е (Вильнюс) «Роль пчеловодства в формировании менталитета литовского крестьянства», в котором раскрывается существовавшая в Литве до середины XX в. народная система самосовершенствования личности и культуры общения по образцу поведения пчел и пчелиных семей. Опираясь на богатейший полевой материал, собранный ею за последние 10 лет. Л. Пишкинайте-Казлаускене приходит к интересным, во многом новым и неожиданным выводам о степени идентификации в народном сознании людей и пчел: одни рассматривали пчелиный рой как гармоничную семью, другие — как дружеский коллектив, третьи — как единый народ. Но в любом случае сопоставление людей и пчел способствовало укреплению семейных связей, поддержанию в коллективе хороших межличностных отношений, наводила на мысль о сплочении национального коллектива. Примечательно, что во многом сходные черты прослеживаются и в духовной практике западных и южных славян эпохи национального Возрождения XIX в. Важным объектом наблюдения докладчика стал обычай побратимства пчеловодов, которое не только накладывало сильный отпечаток на характер литовского менталитета, но и способствовало расширению производства продукции пчеловодства.

Несколько докладов было связано с этнографией одежды. Теме «Влияние дворянской моды на костюм литовского крестьянства» посвятила свое выступление д-р Р. Г у з я в и ч у т е (Вильнюс). Она отметила, что под воздействием радикальных перемен в дворянской одежде Литвы, приведших к замене прежнего «сарматского» костюма на европейский тип, эта тенденция стала проявляться и в повседневной жизни крестьянства. Хотя сарматский костюм в XIX в. утратил бытовое значение, он сохранился в качестве этнокультурного символа. Что же касается собственно литовского крестьянского костюма, то, по наблюдениям Р. Гузявичуте, в XIX в. он сложился как своеобразный сплав нескольких стилей моды прошлых времен на основе заимствования и переосмысления в народной культуре моды высших социальных слоев. Вывод о переходе моды по иерархической лестнице в низовую среду полностью

вписывается в более широкий социокультурный контекст ареала Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, причем не только по отношению к костюму, но и к другим компонентам народной культуры. Это явление может быть, на наш взгляд, названо эффектом социального снижения культуры [2].

Логическим продолжением темы одежды стал доклад д-ра В. Туменаса (Вильнюс) «Анализ орнаментальной системы литовских поясов как метод изучения узоров крестьянского ткачества», в котором декор литовских нитяных поясов трактуется как стройная полисемантическая система орнаментики. В этой связи докладчик выразил несогласие с работами некоторых этнографов (Г. Масловой, С. Виноградова, Л. Грибовой и др.). Основываясь на литовском материале, В. Туменас стремился выявить основополагающие факторы орнаментальной системы, содержащей в себе не только этническую специфику, но и некоторые общие черты, характерные для поясной орнаментики различных народов. В этой связи в докладе были рассмотрены такие вопросы, как соотношение орнамента с узором фона; число нитей, из которых создается орнаментировка; разновидности ее линейной структуры; прерывистый и непрерывистый орнамент и стили его знаковой интерпретации. Свои наблюдения докладчик иллюстрировал фрагментами орнаментировки литовских поясов из окрестностей сувалкийских городов Пунскас и Сяйнай.

Заключительный блок докладов был посвящен фольклорно-обрядовым аспектам этнографии крестьянского двора. Этот круг вопросов получил разработку в выступлениях д-ра филол. наук. Б. Н. Путилова «Мифология и обряды крестьянского двора у русских», канд. истор. наук. Н. Е. Мазаловой «Человек и дом: тождество представлений у русских», канд. истор. наук Л. С. Лаврентьевой «Русская народная кулинария и календарь», канд. истор. наук С. Э. Бокариус «Функции жилых и нежилых помещений в свадебном обряде лужицких сербов (все авторы из СПб.), д-ра истор. наук В. С. Титова (Минск) «Плотничье ремесло: народные знания, обычаи, обряды», И. Ю. Винокуровой (Петрозаводск) «Хлеб в обрядах и верованиях вепсов», д-р Х. Уйбу (Таллин) «Духи, связанные с эстонским крестьянским двором». Этот блок докладов вызвал значительный интерес и послужил поводом более широкого обсуждения черт общего и особенного в народной культуре изучаемого региона в целом.

Подчеркнув органическую связь материальных и духовных форм народной культуры, Б. Н. Путилов указал, с какими животными были сопряжены в крестьянском быту те или иные обрядовые действа. Н. Е. Мазалова отмечала, что до сих пор народные представления о строении жилища изучены намного полнее, нежели эти представления о строении человеческого тела, хотя в целом эта проблема в последние годы получила в этнографии определенную разработку. По мнению докладчика, дом у восточных славян воспринимается как женское тело, сообразно чему крыша трактуется как голова, окна и двери — как глаза и т. д. В докладе сделана попытка уточнить ряд дефиниций в связи с занятиями соматической этнографией на материалах русского этноса. Характеризуя традиционный крестьянский календарь XIX — начала XX в., Л. С. Лаврентьева указала, что он представлял собой сложный комплекс обрядов и образов христианства как официальной религии с дохристианскими верованиями, трудовой практики и семейно-бытового уклада. Докладчик показала, что в каждой местности существовали свои, локальные варианты народного календаря, по которым крестьяне жили и определяли свое поведение. Для народного календаря была присуща система запретов и разрешений сообразно временам года и связанной с ними спецификой крестьянского труда.

Мало разработанной, а в отечественной этнографии почти не рассматривавшейся теме был посвящен доклад С. Э. Бокариус, в котором наряду с литературными и архивными источниками был использован полевой материал, собранный автором у серболужичан — небольшого славянского этноса на территории Германии в районе Баутцена. Использование в свадебном обряде жилых и нежилых помещений играло существенную символическую роль. Так, первую брачную ночь молодые обязаны были провести в холодном хозяйственном помещении, где устанавливалась кровать, а в матрац зашивали различные предметы, воспринимавшиеся как символы будущей совместной жизни. Хотя в настоящее время этот и подобные ему обычаи считаются исчезнувшими, отдельные их элементы в той или иной степени все же сохраняются.

В работе симпозиума заочно участвовала эстонский этнограф Халлики Уйбу, приславшая текст своего доклада. Вплоть до середины прошлого века традиционным крестьянским жилищем в Эстонии являлась жилая рига, которая включала собственно ригу, гумно, одну-две холодные комнаты, а зачастую также сени, чулан и мякинник. Долгое время жилые риги строились без окон, освещаясь лишь через небольшое волоковое отверстие в стене. Рига и примыкающие к ней каморы были бревенчатыми, а полы глиняными или земляными. В связи с выкупом крестьянами хуторов в собственность с 60-х годов XIX в. распространение получили застекленные окна, появились печи с трубой, холодные каморы стали обогреваться, увеличилась площадь хлевов, что было связано с животноводством как ведущей отраслью крестьянского хозяйства. Происходившие перемены получали осмысление в обрядах, связанных с выбором места для построек, их возведением, новосельем, использованием. Большое значение, например, придавалось выбору места, для чего крестьяне заключали своего рода договор с домовым, который, как считалось, там обитал. Остерегались злых подземных духов, представления о которых обычно сопрягались с мертвецами,— в этом Х. Уйбу находит многие черты сходства с соответствующими обычаями у русских и у народов Скандинавии. Последовательно характеризуя народные представления о духах, связанных с крестьянским двором, докладчик подробнее останавливалась на рассмотрении духов, «обитающих» в жилище, в надворных строениях (хлев, рига, клети, баня). Замена народных верований христианством привела к тому, что добрые духи-помощники постепенно утрачивали значение, заменяясь в народном сознании образами христианских святых, в то время, как злые, вредные духи, вера в которых сохранилась от язычества, продолжали свое существование в представлениях эстонских крестьян. Заключая свой доклад, Х. Уйбу указала на важность дальнейшего сравнительного изучения народных представлений о духах крестьянского двора в рамках исследуемого региона.

Участники симпозиума отмечали актуальность именно такого, сопоставительного подхода к изучению народной культуры Северо-Запада России и народов Балтийского моря. Важность этого подхода определяется реальной историей межэтнических связей, восходящих во времена глубокой древности. Не останавливаясь на хорошо известном летописном сказании о призвании в Новгородскую землю в 862 г. Рюрика и его братьев с дружиной, напомним, что в первой половине XVI в. австрийский дипломат и историк З. Герберштайн, дважды посетивший Москву, выдвинул гипотезу о славянском происхождении Рюрика, пришедшего на Русь из северогерманской области Гольштайн, в то время населенной полабскими славянами и называвшейся Вагрией. Споры о том, из какого «заморья» прибыли варяжские братья, продолжались, как известно, и позднее, вылившись в острую идеологическую борьбу между «норманистами» и «антинорманистами». Но примечательно: как бы не решался вопрос, местность, из которой Рюрик, Синеус и Трувор прибыли в русские пределы, неизменно связывалась именно с Балтийским регионом. Особую роль в последующие века сыграли русско-шведско-финские контакты, хотя далеко не всегда они носили мирный, дружественный характер [3]. Именно поэтому нельзя не напомнить, что изданная в 1555 г. «История северных народов» шведа Олауса Магнуса стала первым опытом обобщающего этнографического описания не только Скандинавии, но и сопредельных с ней стран, включая Русское государство. А составленная им «Морская карта» вплоть до начала XVII в. оставалась наиболее авторитетным источником сведении об этой части Европы [4]. После основания в Дерпте университета — второго по старшинству в тогдашних шведских пределах, он стал одним из заметных центров, в котором изучались и преподавались история, язык и культура соседних народов, причем особое внимание уделялось русским. Интерес к этой проблематике сохранялся в шведской научной мысли XVIII в. Однако с этнографической точки зрения эти аспекты практически до сих пор не осмыслены.

Опыт февральского симпозиума подтвердил не только насущную необходимость дальнейшего комплексного исследования проблем балтийской этнографии на основе международного сотрудничества, но и значительные информационные возможности, которые при этом открываются. В самом общем виде балтийская этнография может быть определена как тематический комплекс, обеспечивающий сравнительно-исторический и сопоставительно-типологический подход к изучению ареала Балтийского бассейна в качестве открытой, развивающейся и целостной системы, который включает совокупность общей (методологической, историографической, источниковедческой) и конкретной (страноведческой) проблематики. На решение этой задачи и нацелен исследовательский проект, первым этапом которого является симпозиум «Этнография крестьянского двора».

К дням работы симпозиума было приурочено открытие в одном из залов МАЭ выставки «Балтийские соседи Петербурга». На ней впервые экспонировались предметы литовской, латышской, эстонской, финской, шведской и норвежской традиционной культуры из фондов Кунсткамеры. Успех симпозиума, интерес посетителей Музея к выставке позволяют сделать еще один, практический вывод о целесообразности создания в МАЭ нового научного направления — балтийской этнографии. Традиционная для Кунсткамеры петербургская школа исторической этнографии, наличие пока еще небольшой, но ценной коллекции по народам Балтийского бассейна, а также кадров специалистов, имеющих опыт исследовательской и экспедиционной работы в этом регионе,— все это создает реальные предпосылки для решения поставленной задачи.

Подводя итог проделанной работы, участники симпозиума подчеркивали настоятельную необходимость дальнейшего совместного исследования проблем балтийской этнографии. В качестве темы следующего симпозиума было предложено обсудить вопросы хозяйственно-культурных типов и этнокультурного менталитета народов этого региона.

Примечания

[1] Mare Balticum: Eine Wirtschafts- und Kulturregion. Helsinki, 1990. S. 5.
[2] *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982. С. 141.
[3] *Некрасов Г. А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей: IX—XVIII вв. М., 1993.
[4] *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 28, 40

А. С. Мыльников